

ЭСТЕТИКА ВСТРЕЧ: ЭСТЕЗИС — СУБЪЕКТ- СВИДЕТЕЛЬ — УТВЕРЖДЕНИЕ¹

АЛЕКСЕЙ ГРЯКАЛОВ

Алексей Алексеевич Грякалов — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Научно-образовательный Центр исследований философии современности и стратегий гуманитарной экспертизы, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова

E-mail: alexalgr@mail.ru

В статье рассматриваются топологические основания единства эстетического отношения к действительности и эстетической рефлексии. *Эстезис* понят в его первичном смысле как энергийный исток эстетического отношения — смысловое событие, не сводимое ни к одному из его проявлений. Эта исходная полнота, на что особенное внимание обращал В. В. Прозерский, открывает возможность возникновения множественности смыслов и стратегий эстетики. Актуализирована тема *странствий* эстетического в модерне, а также специфика эстетической функции в коммуникативных процессах. В ситуации пост-современности эстетическое понято в топологическом родстве первичного эстезиса, познания, духовного опыта, «голой жизни» и свидетельства-утверждения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект №19-011-00899

Ключевые слова: В. В. Прозерский, эстетизм, славянский структурализм, эстетическая функция, коммуникация, письмо, субъективность, топос, автореферентность, трансфигуративность, «голая жизнь», субъект-свидетель, утверждение

AESTHETICS OF MEETINGS: ESTESIS — SUBJECT-WITNESS — APPROVAL

Aleksei Griakalov

PhD in Philosophy, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory, research and education centre “Philosophy of Modernity and Strategies of Humanitarian Expertise”, St. Petersburg, Russia

E-mail: alexalgr@mail.ru

The article discusses the topological foundations of the unity of aesthetic attitude to reality and aesthetic reflection. Esthesis is understood here in its primary sense as the energy source of an aesthetic relationship — a semantic event that cannot be reduced to any of its manifestations. V. V. Prozersky paid special attention to this initial completeness which opens up the possibility of a multiplicity of meanings and aesthetics strategies. The theme of the aesthetic wanderings in modernity, as well as the specifics of the aesthetic function in communicative processes, are updated. In a post-modern situation, the aesthetic is understood in the topological relationship of primary esthesis, cognition, spiritual experience, “naked life” and evidence-affirmation.

Key words: V. V. Prozersky, esthesis, Slavic structuralism, aesthetic function, communication, writing, subjectivity, topos, autoreference, transfiguration, “naked life”, witness-subject, statement

1. По следам встреч

В образе Вадима Викторовича Прозерского более всего привлекало родство личностного и эстетического — обаятельное интеллектуальное и человеческое единство. И сейчас продолжаю узнавать новое и даже неожиданное — образ не меняется. С легкой самоиронией можно сказать, что логиком или политологом можно стать по образованию, к этике должна

быть хотя бы малейшая природная склонность, но эстетиком нужно родиться. Особенно таким, как Вадим Прозерский.

Без эстетического все смысловое и экзистенциальное мутирует («метафизическая мутация», по словам романиста Мишеля Уэльбека) или даже вовсе не становится *человеческим*. По отношению к интеллектуалу речь могла бы идти об эстетическом даре жизни и о теоретическом таланте. Напомню эстетикам всем известные слова Ницше о том, что жизнь может быть оправдана только как эстетический феномен. Очевидный феномен не столько в смысле явленного и доступного наблюдению, но как «само-в-себе-себя-показывающее» и ни к чему не сводимое. Именно *homo aestheticus* может предстать героем новой утверждающей жизнь философской поэмы (Ален Бадью) в сфере экзистенциального пребывания и даже в политике, где *эстетическое*, в отличие от предписывающего программы поведения *этического*, дает просвет свободного отношения к социальной реальности (Франк Анкерсмит).

При первой встрече с Вадимом Викторовичем Прозерским на кафедре этики и эстетики философского факультета ЛГУ почувствовал не только убедительность слов, но обаяние присутствия. «Интенсивность представления», по выражению чтимого В. В. Прозерским Александра Баумгартена, выражала яркий интерес преподавателя к тому, о чем он говорил словно бы вовсе не в силу *кафедральной* необходимости. Именно здесь и сейчас нужно ответственно сопротивляться всему неподлинному и внешнему.

* * *

Потом, позже, я думал, что его жизненный опыт всегда наполнен переживаниями и отзвуками опасений эпохи — нужно было им противостоять. Сегодняшняя моя благодарность преподавателям кафедры этики и эстетики В. Г. Иванову, М. С. Кагану, Н. В. Рыбаковой, Т. Д. Верещагиной, Э. П. Юровской за творческое общение и вдохновляющее внимание.

Во встречах с Вадимом Викторовичем Прозерским чувствовался его ум и обаяние, забота и надежда. Можно сказать о внимательной любви, которая была в Вадиме Викторовиче в отношениях со многими, с кем он встречался.

И очень часто в его голосе слышалось что-то еще как будто бы за словами.

По его совету я перевел основные работы Яна Мукаржовского по структуральной эстетике — стала ясной важнейшая для методологии преемственность формализма и структурализма — представлен феномен славянского структурализма и контуры «новой русской науки», где идеи структурализма и феноменологии сходились с авангардным эстетическим опытом.

А уже при поступлении в аспирантуру, когда тема структурализма в эстетике (русский формализм — чешский и словацкий структурализм — работы Романа Ингардена, переводы работ формалистов по Франции) нужно было сводить к единому замыслу, Вадим Викторович записывал мой долгий скачущий монолог. Теперь и я так иногда прошу тех, кто готов назвать себя моими учениками, открывать «шлюзы» речевого потока («Поэт издали заводит речь / Поэта далеко заводит речь»). Мысль, если она есть, выйдет к «точке зияния» в предшествующей линии смыслов — пробьется к признанию и утверждению в речи.

Вадим Викторович всегда словно бы имел в виду план какого-то иногда почти неразличимого мной комментария — и только после его слов или даже выразительного молчания он становился более или менее понятным. Он вводил в разговор скрытые смыслы и одушевленных персонажей. Они существовали не «где-то там» в текстах или отдаленных дискуссиях, а присутствовали в настоящем лично, и нужно было ответственно относиться к тому, что они *здесь*, и действительно есть то, что М. М. Бахтин называл сплывающее «мы-переживание». Так, например, герои «Маленьких трагедий» Пушкина в лекциях профессора Прозерского подступали вплотную, им нужно было давать голоса и слова в разговоре, даже видеть и слышать рядом. Авторы, о которых писал Вадим Викторович Прозерский, словно бы становились рядом, могли сетовать на некорректные высказывания и даже по-человечески обижаться, и все-таки быть вместе. Может, сейчас думаю, этот опыт мысли сказался на моем интересе к эстетической топологии и проблеме свидетельства. Вышед-

шую недавно книгу «Топос и субъективность. Свидетельства утверждения» (Griakalov, 2019) я не успел Вадиму Викторовичу благодарно вручить — казалось, времена и места еще долго будут к нам благосклонны.

Уже после многих лет общения от одного из друзей юности услышал о совсем молодом Вадиме Прозерском — обаятельном лидере юношеского сообщества, рассекавшем воды Кавголовских озер на собственном швертботе! Удивления почти не было — словно он просто сменил водное пространство озер на странствия по истории и теории эстетики.

Вадим Викторович был предельно внимателен к истокам мысли — особенно к возникновению эстетики как философской науки. Значимы в его работах недавнего времени темы самоопределения эстетики — именно то, как первично преобразуется *темное* и *смутное* чувственное познание в упорядоченное и структурированное эстетическое знание (Prozerskii, 2018, 36). Эстетика и эстетическое не сводятся ни к смутному познанию, ни к опыту, ни, тем более, к проекции животной чувственности на человеческий мир.

В этом смысле *эстезис* предстает как энергийный исток эстетического отношения во всей его полноте — это смысловое и бытийное событие, не сводимое ни к одному из его проявлений. Парадокс эстетики состоит в том, замечает В. В. Прозерский, что при ее основании в нее была заложена программа *множественности* смыслов и возможностей. И, обращаясь к современной эстетике, настаивает: конкурирующие между собой точки зрения на сущность эстетики неправы в одном — в признании неправомочности других позиций. Это положение, конечно, предполагает вопрос об основаниях взглядов на сущность эстетики — это тема сегодняшних размышлений о множественности и возможности родового философского знания.

Имеет смысл добавить, что существительное *αισθησις* (чувство, чувственность) происходит от глагола *αισθανομαι*, обозначающего «чувствовать, воспринимать (то есть, видеть, слышать, обонять)». Также глагол имеет значения: узнавать, понимать, получать сведения, обладать здравым смыслом. Этимологический словарь Х. Фриска (Frisk, 1954-1972) ставит в соответствие с существительным *αισθησις* немецкое слово

Wahrnehmung (восприятие, наблюдение, получение сведений). Платон особо отмечает значение *αἰσθησις* как имеющее отношение к обонятельным ощущениям. У Ксенофонта — *αἰσθησις* означает охотничий термин «звериный след» — в выражении *καταπατεῖν τὰς αἰσθησεις* (идти по следам, буквально — «утаптывать»). На таком — *первичном* — фоне следует обратить эстетизис и эстетику именно к истокам — прежде всего к истокам рефлексивного самоопределения.¹ но не только в дополнение к этому, а для создания актуальной топологической схемы эстетического нужно обратиться к первичному *этимону* и соответствующим смыслам терминов, обозначающих особую чувственную способность и ее представление.

2. Эстетическое в обретениях мест

Настоящее эстетики словно бы теряет собственное достоинство — тематизированы проекции в культурологию, сферу коммуникаций, массмедиа, различные «скоростные потоки». Оказывается востребованной лишь *внешняя* прагматика всеобщей *эстетизации*. Следствием этого является рассеяние эстетической предметности и соответствующей рефлексии: внешняя экспансия нередко оборачивается внутренней утратой, что становится почти неразличимым в стремительно протекающих процессах смен.

Но *настоящее* показывает себя только в той или иной конструкции *произведения*. И произведение перестает быть соотносимым только с искусством. Это эстетика в рассеивании-действии, в проникновении и внедрении, в восстановлении исходной полноты — демонстрация самого «искусства жизни»

¹ Ср.: «...революционный шаг Канта в его самом основном открытии, которое он сделал, пользуясь трансцендентальной методикой или трансцендентальным аппаратом, было открытие эстетизиса, т.е. конечности, физической конечности человека на уровне познавательных процессов, где действует физическое ограничение данности пространства и времени или пространственности и временности в реализации и актуализации любых возможных суждений о мире. Любые суждения о мире, в т. ч. о не наблюдаемых человеком явлениях, в том числе о явлениях, которые превосходят размерность человеческого психического аппарата, должны быть каким-то конечным числом шагов разрешаемы на моделях, построенных в эстетизисе. Тогда мы мир, относительно которого наши понятия разрешимы на эстетизисных моделях, можем понимать» (Mamardashvili, 1994, 52).

в оптике произведения. Производится субъективность в первичном эстетическом схватывании. Это дает возможность ограничить и понять современность в пределах *эстезиса* — более или менее очевидным образом ее концептуализировать. И если речь идет о *современности*, значим именно первичный эстетический ход: идти не от объясняющей теории к произведению, а более настойчиво от *следа-произведения* — к вещам и деталям, предметной значимости, к свидетельствующим переживаниям, пониманию и утверждению. От предметности представлений к установлению смыслов, свидетельствующих о существовании.

Возможны разные стратегии определения современности, к примеру, посредством *общества спектакля, техники, массмедиа, биовласти и биополитики*. В пространстве *медиа* действует навязчивый «массмедиаальный шаман». Появляются соответствующие проекции субъекта и субъективности, но именно по аналогии с произведением-следом сформировано необходимо-исходное представление о целостности: не только *образ*, но и *подобие*. Их смыслы не ограничены тем, что, по словам Бруно Латура, вещи дают отпор. Упорствуя, вещи оставляют следы, взывающие к поименованию. Именно здесь действует экономика эстетического — производится субъективность, обязательно присутствует эстетическое.

Будучи собранным в произведении, эстетическое поименовано и остранено *странствует*. Отказавшись от собственного «классически» определенного места, эстетическое модерна делает безместность основанием без основания, чистым движением, смещением в пространстве собственных отношений. Но на исходе модерна актуализирована *пространственность* — не только место — *топос*, но соотношенность с топо-логикой и способным ее представлять утверждающим субъектом. «Кочевниками красоты» Вячеслав Иванов назвал художников современности — опространствливание эстетического превращает места странствий в произведения. Утрачивая свое-собственное определенное место, эстетическое оказывается повсеместно присутствующим — восстанавливается первичная символизируемая органика.

Действие эстетическое производит места рефлексии и существования.

В отсутствии идеального измерения в местах эстетического формируется субъективность как особого рода целостность-произведение. Эстетическое экзистенциально и персоналистски размещается в соотнесенности поименований, встреч и схождений, а онто-гносеологически — в соотнесенности бытия и оформленности. Напомню, что Густав Шпет в начале прошлого века весьма убедительно и для сегодняшних дней определял эстетику как «формальную онтологию» — это не только дань феноменологии, но прозорливая протенция. Из такой позиции способен исходить соответствующий *жизненный этос*: эстетическое модерна выступает как проявленное стремление востребованной современностью *жизненной силы*. И когда все накрывает европейский *нигилизм* или подступает русская *немота* (В. В. Розанов) актуальны вопросы о поисках истоков жизненных и рефлексивных утверждений. Именно *эстезис* обращает существование и рефлексию к теме уместности и расположенности, структурной соотнесенности, возможности осуществления в совместном существовании, утверждения и свидетельствования об ут-верждении.

В. В. Прозерский, анализируя идеи Баумгартена, как раз подчеркивал значимость оснований эстетического знания — в трехчастной структуре сходятся содержание излагаемой мысли — *эвристика*, порядок мыслей — *методология* и способ выражения — *семиотика*. Это, если угодно, структура исходной эстетической рефлексии. Актуализирована расположенность — *опространствливание*. Но когда время и временность будут сначала возвышены в ситуации модерна, а потом радикально смещены в пост-модерне, станет ясно: необходимы *другие* стратегии рефлексии и обращение к *иному*. «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова свидетельствует не только о деструкции одного — *нашего* — времени, но предполагает деконструкцию самой временности. Постоянное кочевье эстетического выражает недоверие не только своему времени, но недоверие *временности* вообще — побуждает к вопросу об уместности новых смыслов и существований.

Именно *пространство* произведения способно проецировать *эстетический телос* в мир — эстетическое «запускает» первичные «механизмы сборки» в отношении к этическим,

антропологическим, экзистенциальным и политическим стратегиям смыслогенеза и существования. Эстетическое не имеет своего места, но способно иметь дело с любим — создает самую возможность уместности. Ян Мукаржовский называл эстетическую функцию «необозначенным полюсом антиномии» всех других функций языка. Дело не только в том, что эстетическая функция автореферентна, но в обращенности эстетического ко всей сфере реального вызывает и создает особое *остраненное* восприятие, а вслед ему предельно интенсивное *антропологическое* состояние. Поэтому именно эстетическое дает возможность состояться этическому и антропологическому — даже «этика человеческого вида» основывается на первичном восприятии человеческого. Функции эстетического — имеет смысл напомнить о внимательном отношении к этой проблеме В. В. Прозерского, — несводимы к коммуникативным процессам и интеракциям даже в присутствии гипертрофированной фигуры *куратора* во всех его модификациях: эстетическое обязательно содержит в себе обращение к *иному*. Прежде всего, оно обращает нас к актуальной проблеме трансфункциональности — представляет «целое как таковое» и в этом своем качестве в коммуникации наиболее действенно.¹

Поэтическое и *эстетическое* не уничтожают референтность, но делают ее неоднозначной.

Тут открываются перспективы перед эстетикой «возможных миров», эстетиками существования и проблемой «множественности реальностей» (миров референции) — тему множественности теоретических позиций в эстетике, напомню, активно поддерживал В. В. Прозерский. Эстетическое не подавляет другие функции, а допускает варьирование ком-

¹ В связи с этим одно пояснение для читателей журнала “Terra Aestheticae”: обзорный материал Д. А. Поликарповой и А. О. Царева в предыдущем номере далеко не во всем соответствует содержанию моего выступления на конференции «XXIII Кагановские чтения. Коммуникативные стратегии в современной художественной культуре». Никак не могу согласиться с приписываемым мне высказыванием авторов о том, что «эстетическую теорию интересует, прежде всего, то, о чем невозможно вести содержательный разговор, поэтому в функциональном смысле эстетика выпадает из коммуникации». Речь в моем сообщении «Эстетизм и коммуникация: pro et contra» шла о сложности отношений, но отнюдь не о противопоставлении позиций.

плекса разнородных факторов, которому соответствовали бы различные типы дискурсов — с одной стороны, а с другой — были бы вызываемы навстречу этически обосновываемые антропологические константы существования.

Коммуникация и референция в сфере эстетического связывают семиотические построения и выражения с множеством возможных миров и контекстов — в пределе со всем целостным ценностным универсумом. Именно эту мысль Яна Мукаржовского мы с В. В. Прозерским начинали обсуждать со времен знакомства с идеями структуральной эстетики. Конечно, в ситуации роста *неопределенности* нужны уточнения и корректировки такого понимания в сопоставлении с концептами *текста, дискурса, письма* и появления эстетически ориентированной фигуры *субъекта-свидетеля*. Тут появляется возможность выведения актуальных функций эстетического и новых концептов эстетики.

И это же, имеет смысл добавить, дает возможность ответственной экспертизы эстетической качества некоторых проектов-акций и рациональной вменяемости соответствующих жестов «кураторской рефлексии». Утрата классической «самоочевидности искусства» не компенсируется необозримой множественностью возможностей, ставших предметом рефлексии, ведь расширение эстетического, предупреждал (Т. Адорно) во многих измерениях оборачивается сужением. Именно топологическая размерность создает ограничение безудержной — *поверхностной* — эстетизации. Более того, эстетический эффект остранения — подобно «эффекту реальности» (Р. Барт) — «прилаживает» дискурсы к *местам*, одновременно обращая к целостному представлению жизни.

Следовательно, важно определять места, в которых *целесообразно* собирается эстетическая субъективность — эстетическое в действии. Только в произведенных местах действует эстетическое *остранение*: интенсивность эстетического принципиально значима от истоков до современности — это особенно подчеркивал В. В. Прозерский.

Топо-логика мысли соотнесена с пространством обитания.

Но если в каждом месте присутствия эстетическое *остраняет* субъективность — важно понять как *остранено* самое эсте-

тическое. А оно актуализировано как самоочевидность «форм жизни» — идео-логика следует за эстетическим опытом.

Эстетический опыт-схематика предстает как исходный.

Доминанта со/рас/положенности произведена именно эстетическим.

И дело не только в том, что формулировки многих философских проблем эстетически окрашены. Также и не в том, что в «ситуации постмодерна» происходит «эстетическая мифологизация логоса», а эстетическое, подчеркивает В. Вельш, способно представлять «ключевой характеристикой современности»: действительность в целом прочитывается как «эстетическая конструкция» (Welsch, 1993, 13). Но подобные высказывания и термин «эстетизация» нуждаются в уточнениях. Ведь следующее из этого почти общепринятое подчеркивание *эстетизации* жизни и мысли представляет лишь внешний эффект глубинных изменений бытия эстетического. Другое дело, что эстетизация представляет не только изменения, но и то, что является константным для эстетики и эстетического. Именно так эстетическое препятствует возникновению метадискурса, на что прямо или косвенно претендует *дискурс-куратор*, где воспроизводятся чаще всего лишь псевдо-романтические стратегии целостности.

Эстетическое как раз дает возможность представления автономных — *антропологических* — позиций в виде «эстетик существования» (М. Фуко), «разделения чувственности» (Жак Рансьер), свидетельств утверждения или определения антропологических констант в *письме* (Gryakalov, 2015, 36). Более того, можно говорить об эстетическом в пространстве политического — том средоточии субъективности, где нельзя отказаться от принятия решений. С полным основанием Франк Анкерсмит предлагает противоположную романтизированной концепции позицию, где эстетика используется для доказательства *разорванности*, а не единства политической сферы («Тут герой не Шиллер, а Макиавелли»). Это пространство, в котором возможен *просвет* свободы. Если романтизм ориентирован на единство художественного произведения, а куратора заботят, прежде всего, прагматика и идео-логика, то для Анкерсмита важен непреодолимый эстетический барьер

между репрезентируемым и его репрезентацией. Разорванность, отчуждение и конфликт, которые немецкая традиция стремилась свести на нет, здесь выступают верными признаками хорошо работающей политической машины: эстетическое действует как всепроникающая *смазка* для социальных механизмов.

Именно тут в актуальной соотнесенности встает вопрос: как сохранить *человеческое*?

Анкерсмит отстаивает относительную автономию государства по отношению к электорату — их разделяет непреодолимый эстетический зазор. Легитимная политическая власть как раз возникает в этом зазоре, поскольку ее природа — по существу эстетическая. Именно эстетическое измерение сводит на нет доминанту нормативности — оно способно усиливать или ослаблять властные возможности дискурса, внедряя в план дискурса обязательный свободный комментарий, эстетическое дает возможность проявиться особому субъекту-свидетелю и ответственной субъективности. Ведь эстетики существования в широком смысле их понимания именно размещены — *очевидная* размерность и оформленность эстетического сопоставима с очевидностью *жизненных форм*: это те места, где действие может быть проявлено-свершено. Субъективность в сообществах, событиях, поступках представлена и обозрима.

В отношении к современности можно говорить о сближении философского и эстетического, даже о переходе одного в другое — это внешние характеристики постмодерна. Можно далее говорить об эстетической окрашенности рефлексии как значимой характеристике философствования. Но более значима рефлексия *письма* и *свидетельства* — понимание того, каким образом и в силу каких жизненных условий и символических обстоятельств формы, события и топоры эстетического оказались порождающими моделями субъективности.

Пост-современность *собрана* опытом эстетического с его чувственностью, возвышенностью и интенсивностью представления, переживания и осмысления, проективностью, гадательностью и принципиальной неисчерпанностью в понятии. Сознание современности выстраивается в соотнесенности эсте-

зиса и логоса — экспрессионизм / философия жизни, русский формализм / кубофутуризм, феноменология / кубизм, чешский функциональный структурализм / сюрреализм — об этом имеет смысл снова напомнить. Соотношения создают места встречи, являясь событием топологического сознания. В перспективе *текст* действует уже поверх порождающих смысл различий, а далее в действие вступает *письмо*, где сходятся эстетические и дискурсивные энергии. Но перспектива текста окорочена тем, что проваливается сквозь текст (*эротика, смерть, насилие, террор*). И *есть* то, в отношении к чему позиционирует себя письмо (*дар, тайна, пол, жертва, смерть*).

Эстетическое маркирует места и стратегии сборки субъекта и субъективности.

Произведение, производство и произведенность не просто следуют друг за другом. Они, можно сказать, представляют себя в одном синхронном срезе. Время выстраивается *не* по принципу линейной последовательности. Таков опыт прозы Андрея Платонова, где утопия и антиутопия сняты в мета-утопии, таковы же воображаемые миры в творчестве Сигизмунда Кржижановского.

Актуализировано совпадение, схлопывание, самодеструкция времени.

Как раз в эстетическом опыте и соответствующей рефлексии время было *смещено* до того, как современность осознала себя как пост-современность. И далее опыт эстетического продолжает действовать в производстве сообществ, идео-логик, форм субъективности, оформленности субъектов, где временные стратегии смыслогенеза исчерпываются. Истаивают до бесплотности, порождая необходимость *поствременных* и *постисторических* определений. Именно на этом фоне могут быть найдены *другие* стратегии сборки смысла и субъективности, что предполагает соотнесенность *вещного* и *символического* в эстетическом и воплощение «человека эстетического» в фигуре субъекта-свидетеля. Так могут быть установлены смыслы, которые в свое время не получили признания, — отсутствовала соответствующая логика со/противо/поставлений.

Композиционность *собирает* жизненный материал — эстетическое первично *располагает* субъективность в рамках

произведения, а далее в символическом производстве следов-смыслов. В рамках собирается субъективность: от эстетической аналитики возможен переход к топо-графии, а от нее — к топо-логике — совмещенности позиций, в пространстве чего собрано и действует эстетическое Дело не в смене языка понятий образным эстетическим языком, как будто бы более приспособленным для понимания современности. Ф. Ницше предупреждал о соблазне «языковой метафизики» и живучести веры в законы грамматики. Ведь сегодня все более осознаются пределы лингвистических и коммуникативных ресурсов рефлексии — необходимо выявлять топо-логику «сборки» субъективности, что представлено в событийной целостности, отличной от хронологически ориентированных проектов модерна. Если проективное сознание пришло в свое время на смену *мировоззрению* и *картине мира*, то сам проект сменяется *событием*. Отсюда возможен ход к топо-графии и топо-логике — это дает возможность анализировать субъективность в ее возникновении и становлении.

Речь не идет о (пост)современном аналоге *картины мира*, транскультуральном монтаже современности или выстроенной символическим куратором-«отцом» идейной конструкции. Событие *не* имеет синтетического характера. Не сводится к интерсубъективности, хотя содержит интерсубъективные компоненты. У события всегда есть свое место, в котором формируется субъективность. Событие («встреча») рождается в эстетическом опыте и рефлексивном постижении таким образом, что опыт и рефлексия постоянно смещаемы с собственных путей. Представление события одновременно же представление горизонтов истока, но он значим именно топологически — исток намечает логику соотнесений. Это то место, с которого начинается *сборка*, но это не точка детерминации и даже не «антропологическая константа» раннего авангарда. Таков исходный смысловой жест различения — в отношении к нему выстраивается смысл. Исходное «первоместо» населено открытыми к изменению — даже к *мутации* — субъектами, а интенсивно действующий эстетический субъект-свидетель как существо *остранения*, *границы* и *предела* подвержен постоянной опасности.

Субъективность зависима от местности, органики и соответствующим образом организованной телесности — таковы жизненный ландшафт, подручная атмосфера, телесность и даже висцеральные («сердечные») процессы. И мутации субъективности, Мишель Уэльбек говорил даже о метафизических мутациях (пост)современности, соотносены именно с утратой мест — с прехождением, нарушением, разрушением границ. Время лишь показывает, когда и где это произошло. Именно с того момента, когда устранен *стержень вечности*, показания-демонстрации начинают размножаться с возрастающей скоростью. Такое дромологическое безумие способно окорачивать и ограничивать только сопротивление *места*.

3. НОМО АЕСТHETICUS: размерность

Человеческая размерность соотносена с утратой или сохранением соответствующих мест существования — это принципиально для эстетической топо-антропологии: действует соотносимая с местом субъективность. Важна не столько конкретность места, сколько возможность поименовать действительно существующее — *подлинное* — место. Необходим для этого соответствующий *субъект-свидетель*. Причем подлинное — отнюдь не идеальное, это действительно существующее, что среди повседневности предстает как исключение — только в одном особенном месте оно несомненно *есть*.

Пространственно ориентированные стратегии смыслогенеза (*форма — структура — текст — дискурс — письмо — событие — свидетельство — утверждение*) существуют словно бы в одном времени (*син-хрония*). Топо-графия предстает не только как семиотическая определенность — *рамки* — самого эстетического, она выступает как организующая характеристика мысли, включая принципиальные топологические характеристики дискурсов нации и гендера. Событие как бы просеивается сквозь сеть современности, не удерживаясь в объясняющих категориальных ячейках. И зачастую его исходная порождающая энергия не воспринимается «мы-переживанием» (М.М. Бахтин) современников — господствующие «социолекты» пропустили его. Места истоков событий как бы вовсе не зафиксированы, у них отсутствует возможная собственная

история. Проваливаясь в щели *системо-логик* современности, событие оказывается существенным в пограничных *системотехниках* и лиминальных практиках. В таких случаях с большей или меньшей определенностью представлены мотивы смещения, ухода, покидания, утраты, стушеванности — «по-достоевски». Но именно энергия события позволяет развить техники субъективности — в том числе маргинальные, формировать и производить. События возникают в стремящихся к определенности местах — в поэтическом языке, в произведении, в ландшафте, в котловане... — формируется субъективность не за счет проекции идеала, а за счет собственного конституирования, когда энергия-исток события достраивается до сферы.

Речь не о временной линейной последовательности — место *пересоздается* схемой субъективности, которая словно бы вживается в место, а место обживается смыслом. *Места* всегда пересекают линейную логику, сбивают временную устойчивость повторения. Эта событийная аритмо-логия не совпадет с интерсубъективностью или диалогическим событием. Мысль аритмична и в силу этого способна формировать актуальную оптику, остраивающее переживание, опыт предела, поэтическое представление чуда проникновенности. Именно на это обратили внимание в русской формальной школе: действие *остранения* принципиально анти-линейно и а-ритмично. Линейное развертывание времени машинизирует поведение и технизирует мысль.

Актуализированы *не* завершенность («произведенность») и *не* линейный процесс смыслогенеза. Требование *эпохи*, на что обратил внимание Ж.-Л. Нанси, состоит в развенчании или удержании под подозрением линейности «производства смысла». Следует иметь дело с проявлением «самой вещи» — нужно держать в памяти первичность этимона *αισθησις* и задачи охоты в произведении Ксенофонта, где движение по следу сопряжено с определением и поименованием. Тут сходится исходный жизненный эстетизм и идеи науки эстетики: В. В. Прозерский приводит слова Баумгартена, обращенные именно к истокам, где эстетика понимается не как философия красоты и искусства, а как теория чувственного познания — *сенси-*

вистика (Scientia cognitionis sensitivae). Здесь в-месте собраны ощущения, воображение, способность вымысла, чувственная память, пронизательность, остроумие, способность предвидения, суждение чувств, чувственные ожидания, чувственное познание знаков. (Prozerskii, 2018, 34). И здесь же, добавим, эстетическое теснейшим образом соотнесено с политическим, о чем писал, Франк Анкерсмит, именно в силу того, что эстетическое переживается, действует и осмыслено в предельной жизненной интенсивности. Создается же и действует эстетическая субъективность в определенном топосе. Истина понята в событии и соотносима ни с чем иным, кроме как с нею самой: существует, по выражению Ж.-Л. Нанси, «реальное как такое». Это и есть вещное и человеческое в единстве события, уместно расположенного.

Так в постоянной соотнесенности с рефлексией эстетический опыт способен поддерживать философскую институцию как определенную расположенность в мире. Расположенность, которая не растворяется без остатка в интеракциях. И тогда эстетическое выступает как *сборка* самой философской институции независимо от того, определяется ли философия как *любомудрие* или «творчество концептов» (Ж. Делез и Ф. Гваттари). Видоизменяется философский язык, вынужденный стремиться к собственному пределу для того, чтобы дать появиться событию в языковом *разломе*. Подрывая догматизированные представления о мире и о себе, существо *эстетического* как бы вновь припадает к истокам жизненного существования. Именно жест *припадания* способен порождать философскую «тоску по всеобщности» в ее уместности. И если исходить из представления о том, что философом является тот, кто себя таковым считает, то счет изначально может быть произведен только как *отсчет*. В топологической перспективе отсчет и счет совпадают, *остраняя* временное измерение и событийствуя в одной схеме соотнесенностей. И опять-таки точнее было бы говорить не о системологии, а о системотехнике: топологический фрагмент «достраивается до сферы» (М. М. Бахтин).

Человек эстетический — существо пересекающихся потоков интенсивностей — может быть понят именно как средо-

точие формирования субъективности. В этом смысле интерес к теме проживания, представления, трансгрессии или маргинально-номадической стратегии поведения неотделим от вопроса о *возвышенном*. Места говорят (*кричат, вопиют*) о себе голосами обитателей. Приобретая характер возвышенного, нечто способно становиться предельным событием, словно бы достигая исходной энергийной источности, в которой субъективность исходно и потенциально сконцентрирована — только в этой развернутости актуальность смысла и существования может быть представлена. Своей интенсивностью субъект полагает и формирует субъективность — в ситуации пост-современности слышат только *крик* и замечают только вызывающий *жест*.

4. Актуальное эстетическое: опыт жизни — знание — духовность — голая жизнь / свидетельство-утверждение

Модерн преобразовал и довел до предела скрытую интенцию классики: «Эстетическую черту, черту некоего гигантского “как если бы” обнаружил впоследствии в философии Гегеля Кьеркегор — черту эту можно было бы продемонстрировать на примере “Большой логики” вплоть до мельчайших деталей» (Adorno, 2002, 488). Но предельное завершение — одновременно же исток нового топологического смыслогенеза. Странствия эстетического в поисках места оказываются определяющими для сознания начала (пост)современности: производство, произведение и произведенность словно бы совпадают в одном временном срезе. Актуальное состоит не столько в жесте экспансивного или провокативного вызова, а в представлении некоторым образом возможного настоящего-будущего, где есть субъект-свидетель и утверждение жизни в ее эстетической оформленности и этическом наполнении.

Эстетически точная фиксация топоса (произведенность) вызывает желание остраняющего следования одновременно «в глубь мира» и «в глубь себя»: субъективность развертывается так, что внешнее и внутреннее топологически совмещены в фигуре свидетеля, создаваемого письмом. Даже фигура автора оказывается одно-временно смещенной и заново утвержденной — он не только *гость* («скриптор») собственного текста,

но и создатель *свидетельства-письма*. В этом процессе совершается жест приведения к очевидности — в развертывании письма создается индивидуальное послание. Герой-свидетель из собственного одиночества — *места обитания* — прозревает дальнее-иное — для такого свидетельства обязательно переживание некоторого метафизического — *вселенского* — одиночества, отчужденности и одновременно — *призванности*. Настоящая человеческая *размерность* обретается во времени, но словно бы ему вопреки, в особом поименованном месте. И как раз это место герою-современнику почти не принадлежит: место чаще всего уже занято не желающими никаких экзистенциальных свидетельств безликими насельниками, ничего не способными засвидетельствовать, кроме жестокой корысти подстраивания «под время».

В существовании надо добиваться своего места и хранить его.

Именно в свидетельстве проявлена обратимость действительного и возможного: актуальное может быть только там, где есть виртуальное, у которого в любом времени может быть свое место. И гибель *героя модерна* — прямое наказание за свидетельство подлинности. Однако конкурентность модерна способна поставлять все новых и новых персонажей — конкурируя, они механически и корыстно сокращают время другого, но *подкручиванье стрелок* в споре на *время*, как это происходит в рассказе Ивана Бунина «Захар Воробьев», убивает существование — одного приводит к преждевременной — *наглой* — смерти, другие остаются во времени лжи и обмана. Время наказывает за свое смещение — действует как гибнущее хтоническое существо («душа умирающая и мстящая»).

Лишенные духовного измерения, герои модерна рвутся к признанию каждый в своем времени. Но на выходе из модерна после иллюзорного успокоения пост-модерна попадают в *голую жизнь* с ее утратами. Субъект голой жизни ничем не защищен. Но у него все-таки есть пространство обитания, он видит следы других и способен оставлять свои следы, в которые никто не всматривается и никто не хочет их именовать. Его пространство не имеет оформленности — оно принципиально анти-эстетично. Остается только возможность более или менее правдиво свидетельствовать о происходящем

в соответствии с пространством обитания, опытом его освоения и рефлексией. И только здесь субъект-свидетель, подобно тому, как это происходит в экзистенциальной эстетике *бунта*, обретает себя. С той только разницей, что субъект-свидетель полностью осознает степень собственной схваченности символическим — степень собственной несвободы.

Наверное, только в случае субъекта-свидетеля можно говорить об актуальной творческой «комбинаторике» субъективности, обращенной к существованию, и о возникающей символической ауре эстетического. Именно оно в первичном переживании и поименовании способствует выживанию в бесприютном — не/оформленном — существовании голой жизни. Для религиозного взгляда — перевес на стороне трансцендентности, а топологическая субъективность обращена к символическому универсуму и уместности. *Реальное* предстает в актуальном состоянии становящихся смыслов — эстетическое возникает здесь и сейчас. То самое, что схвачено в выражении *καταπατεῖν τὰς αἰσθησεις* — *утаптывание* дорогомсмысла, что происходит по чернотропу голой жизни, где следы почти невидимы и словно бы вовсе неразличимы. Событие свидетельства не то чтобы не просеивается сквозь сеть (пост) современности, не удерживаясь в объясняющих категориальных ячейках, но вообще такой сетью неуловимо. И только в топологической стяженности свидетельство способно *знать* о наличии сетей — языке, тексте, дискурсе, структуре.

Существование субъекта-свидетеля и субъекта-эстетика предельно сближается.

Проваливаясь в щели *системо-логик* современности, событие свидетельства оказывается существенным в пограничных *системо-техниках* и лиминальных практиках. В таких случаях с большей или меньшей определенностью представлены мотивы смещения, ухода, покидания, утраты. Но именно энергия свидетельства позволяет развить техники субъективности — в том числе маргинальные, формировать и производить существование. Свидетельства возникают в стремящихся к определению местах — в поэтическом языке, в произведении-ландшафте или в произведении-котловане... — формируется субъективность не за счет проекции идеала, а за счет

собственного конституирования, когда энергия-исток нередко рискованного свидетельства достраивается до сферы.

Здесь будет, скорее всего, действовать особое *косноязычие* — для этого может понадобиться фигура свидетеля-герменевтика. Может, конечно, решиться на свидетельствование и ответственный в своих построениях *куратор*. Важно понять экономику субъективности не только в более или менее устойчивых и узаконенных топосах мысли, где рефлексия, не пренебрегая повседневностью, способна сохранять проясняющее присутствие, но в жестоком пространстве *stato di esecione* (Дж. Агамбен) — *чрезвычайной* или *исключительной* нормы. Добавляется все более активное вмешательство в жизнь — *войны, социального аутизма, посттравматического синдрома, миграции, постмодернистского терроризма*. Только схождение *исторического* и *вечного* оказывается условием герменевтики утверждения.¹ Но именно это особенно затруднено в ситуации *фрагментарности, неопределенности и слабости утверждений*. Сегодня актуально-возможное состоит в восстановлении нередуцируемой полноты эстетического отношения и эстетической рефлексии — в таком понимании эстетическое способно рефлексивно действовать и жизненно пребывать.

* * *

В воспоминаниях о Вадиме Викторовиче Прозерском есть две встречи, которые при всей отдаленности от эстетики и университетской жизни больше всего западают в память жеста и словами. На улице Декабристов в квартире, где в ленинградском коммунальном сообществе жил тогда Вадим Викторович, была слегка вознесенная над другими помещениями комната — в конце 20-х годов в ней встречались члены антропософского общества. С потолка на витом шнуре тогда было укреплено плетеное блюдо с хлебом.

Доподлинное свидетельство.

В свое время в одаривающих разговорах среди других искателей *знания* были выдающийся востоковед Юлиан Щуцкий

¹ «Исторический персонаж и теологическая личность, юридический процесс и эсхатологический кризис накладываются один на другой, и только в этом наложении, только в их «совмещенности», они открывают истину» (Agamben, 2012, 55).

и поэтесса Елизавета Васильева, известная под псевдонимом Черубина де Габриак.

Земля в плену, и мы скитальцы,
И жизни не закончен круг,
Но вот мои коснулись пальцы
Твоих похолодевших рук.

Это строчки Черубины, посвященные Юлиану Щуцкому.

После гонения на антропософов Елизавета Васильева оказалась в ссылке, а Щуцкий был репрессирован и погиб. Но до этого по пути в Японию он навестил в Ташкенте сослannую поэтессу — потом были опубликованы ее стихи от имени ссыльного китайского поэта Ли Сян Цзы («философ из домика под грушевым деревом»). Поэта под таким именем никогда не существовало — это звуковая перекличка с именем Елизаветы Васильевой.

Во время моего посещения «антропософской комнаты» не было уже ни витого шнура, ни плетеного блюда с хлебом, только отзвуки и следы проникновенных разговоров. Но ведь путь эстетика — это движение по следу, согласно словам Ксенофонта, утаптывание, различение и поименование следов. И через много лет можно представить чарующий жест одаривания — отсылания и приятия. И словно бы начинаю вместе с этим внимать несказанным словам моего наставника и старшего друга. Вадим Викторович Прозерский любовно соединял людей в обретениях встреч, где многие и до сих пор эстетику слегка наивно и желанно понимают как особый дар мысли — философию красоты.

Словно бы в память о давних встречах мы с Вадимом Викторовичем посетили собрание нынешних антропософов.

А когда вышли в темный вечер, он сказал:

«После Рождества всегда становится светлее...».

REFERENCES

- Adorno, T. V. (2002). *Esteticheskaia teoriia* [Esthetic theory]. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Agamben, D. (2012). *Pilat i Iisus* [Pilat and Jesus] (M. Lepilova Trans.). Moscow: GRUNGRISSE. (In Russian).

- Frisk, H. (1954-1972). *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Griakalov, A. (2019). *Topos i sub"ektivnost'. Svidetel'stva utverzhdeniia*. [Top wasps and subjectivity. Certificates of a statement]. St. Petersburg. (In Russian).
- Gryakalov, A. (2015). *Writing and the experiens of faith: literary representation. British association for Slavonic and European studies* (P. Waldron Ed.). Cambridge: University of Cambridge.
- Mamardashvili, M. K. (1994). *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and nonclassical rationality ideals]. Moscow: Labirint. (In Russian).
- Prozerskii, W. (2018). Obretenie estetiki kak filosofskoi nauki v tvorchestve Aleksandra Gottliba Baumgartena [Finding of an esthetics as philosophical science in Alexander Gottlieb Baumgarten's creativity]. *Terra Aesthetica*, № 1, 18-38. (In Russian).
- Welsch, W. (1993). Das Ästhetische — Eine Schlüsselkategorie unseres Zeit? In W. Fink (Hrsg.), *Die Aktualität des Ästhetischen*, (8-23). München.